

Жуковский, автор знаменитой баллады "Светлана", старший современник и учитель Пушкина, называл себя певцом. Не пиитом, не поэтом, а именно певцом.

Он был необычайно музыкален по своей натуре. Гармония его стихов была прежде всего музыкальной гармонией. И нет ничего неожиданного в том, что элегия Жуковского "Вечер" (1806) с такой естественностью и простотой сливалась с миром русской музыки.

Уж вечер... облаков померкнули края;
Последний луч зари на башнях умирает; Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

В том же гармоническом ключе Чайковского, как бы вторя стихам Жуковского, звучат и стихи из элегии Пушкина "Певец" (1816):

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали, Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

Кажется, что это ожила "эолова арфа" из баллады Жуковского, оставленная певцом на ветке дерева, когда ее струн коснулся "волшебный ветер песнопения : "и дуб шевелится, и струны звучат".

В 1816 году Жуковский посетил Лицей. И увидел, как к нему навстречу по темной аллее царскосельского сада бежит чернокудрявый отрок.

"Милое, живое творенье! — пишет Жуковский в письме к Вяземскому о своей первой встрече с Пушкиным-лицеистом. — Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу".

В 1817 году Жуковский напечатал отдельной книгой свою "старинную повесть" "Двенадцать спящих дев", над которой он работал семь лет, с 1810 года.

Поэма Жуковского и судьба ее героев волновали целое поколение читателей. К этому поколению принадлежал и Пушкин. Он вспоминал о Громобое и о "двенадцати спящих девах", оказавшихся во власти "черных чар", в своей поэме о Людмиле и Черноморе:

Друзья мои, вы все слышали,
Как бесу в древни дни злодей
Продав сперва себя с печали,
А там и души дочерей...

Сюжет волшебной сказки Жуковского был притягателен для Пушкина и касался его собственных поэтических замыслов. Вадим и его скитания раскрывали перед ним тайну рыцарской баллады. Перед его взором проходил целый рой романтических героев.

Мы с ними плакали, бродили
Вокруг зубчатых замка стен,
И сердцем тронутым любили
Их тихий сон, их тихий плен;
Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрели их...

Из этих впечатлений постепенно возникал замысел новой эпической поэмы об одной-едиственной "спящей деве", которую разбудил своей любовью странствующий рыцарь Руслан.

Руслан летит к Людмиле спящей,
Ее спокойного лица Касается рукой дрожащей... И чудо: юная княжна, Вздохнув,
открыла светлы очи!

Пушкин писал свою поэму на глазах Жуковского. Работа началась в 1817 году, то есть в год выхода в свет книги Жуковского, а закончилась в 1820 году.

Замечательно было не только сходство, но и различие этих двух произведений. "Двенадцать спящих дев". — это поэма, составленная из двух самостоятельных баллад. Жуковский был лирик по преимуществу. Эпические формы давались ему с трудом. И в поэме "Двенадцать спящих дев" он не мог выдержать внутреннее единство своего замысла.

Поэтому его так поразила поэма Пушкина "Руслан и Людмила", написанная, как говорится, на едином дыхании. Это было ровное и свежее дыхание эпической стихии, которое казалось уже совершенно потерянным вместе со многими другими традициями XVIII века.

Жуковский как никто понимал поэтическое и музыкальное единство пушкинской поэмы и восхищался его работой. Он праздновал победу своего ученика и продолжателя, как свое собственное торжество. И подарил юному Пушкину литографию своего портрета с надписью: "Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму "Руслан и Людмила". 1820. Марта 26. Великая пятница".

Эти слова Жуковского хорошо известны каждому. Без них не может обойтись никакая, ни краткая, ни развернутая, биография Пушкина, ни школьный учебник, ни академическая история литературы. Кроме того, в этих словах мы находим классический пример благородных, рыцарских отношений между учителем и учеником.

Но, цитируя слова Жуковского о "побежденном учителе", мы зачастую придаем им некое итоговое значение. Пушкин "победил" Жуковского — о чем же тут говорить? При этом мы перестаем слышать арзамасскую интонацию в надписи Жуковского. А он любил ' веселость острую литературной шутки".

Все дело в том, что Жуковский как Жуковский был непобедим. Никто, даже сам Пушкин,

не мог исполнить его предназначения. А Жуковский был полон сил, шел вперед, обдумывал новые замыслы. И, как это ни странно, после "поражения" оказывался впереди, увлекая за собой Пушкина, втягивая его в борьбу с самим собою. Пушкин, одержавший над ним такую убедительную победу, порой не мог угнаться за ним. Жуковский был "проводимым" Пушкина в поэзии.

Жуковский создал тип и образ "очарованного странника". В его поэме говорится о "небесном благовесте", который слышит чистый душою Вадим. "Стремись, я проводимый твой!" Повинуясь этим волшебным звукам, он становится странствующим рыцарем.

В 1818 году, сразу же вслед за музыкальной по своему строю поэмой 'Двенадцать спящих дев', Жуковский напечатал перевод элегии Гебеля "Тленность", которая поразила современников прозаичностью и "немузыкальностью своего тона и лада.

Элегия открывалась драматургической ремаркой: "Разговор на дороге, ведущей в Базель, в виду развалин замка Ретле-ра, вечером". Далее следовали странные стихи, как бы вырастающие из прозаического вступления.

И вся элегия строится как диалог двух путников, Внука и Дедушки, о быстротекущей жизни:

Внук:

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, ЕСЛИ то ж случится
И с нашей хижинхой?.. Как страшно там!
Ты скажешь: смерть сидит на этих камнях.
А домик наш?.. Взгляни: как будто церковь
Светлеет на холме и окна блещут...

Это был еще непривычный для русской поэзии белый стих — безрифменный пятистопный ямб. Жуковский сам как будто вслушивается в эту новую музыку, стараясь постичь ее тайную гармонию, благодаря которой стих не "уходит в прозу".

Дедушка:

Все движется, приходит и уходит.

Дивись, как хочешь, друг, а это пых.

Ты молод; я был также молод прежде,

Теперь уж все иное... Старость, старость!

А поглядишь: лет тысяча прошло —

Деревня вся в могиле; где стояла

Когда-то церковь, ниш соха гуляет...

Жуковский поместил эти стихи в сборнике, который вышел в свет под названием "Для немногих". Он и не рассчитывал, что его новые опыты встретят одобрение и понимание всех любителей поэзии, особенно тех, кто был воспитан на его мелодичных бхладах, где он выступал в роли "певца".

А здесь он вдруг заговорил голосом повседневной жизни. "Послушай, дедушка, я каждый раз, когда взгляну на этот замок Ретлер..." Жуковский мог предположить, что из молодых поэтов, может быть, один только Пушкин поймет его "речитатив" в диалогической элегии. И ошибся.

Пушкин тут же сочинил пародию на "Тленность". Весело посмеялся над новыми стихами, тем самым высказывая и подтверждая свою любовь к его прежним "песням". Пародия начиналась слою в слово, как элегия Жуковского:

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: Что если это проза.
Да и дурная?

Пародия Пушкина точно воспроизводит ритмический рисунок Жуковского. Это была карикатура на белые стихи, но сам белый стих Пушкина безупречен. Можно утверждать, что элегия Жуковского как-то зацепила поэтическое воображение Пушкина.

Он не ограничился пародией. И следом за ней написал послание к Жуковскому, в котором увещевал его вернуться от прозы — к поэзии, к мелодике классического стиха, к его испытанным каноническим формам, от "ереси" безрифменного стиха.

"Ты держишь на коленях лиру нетерпеливою рукой", — упрекал он Жуковского. "Ты прав, творишь ты для немногих..."

Должно быть, Жуковскому было весело слушать мнение своего ученика, который выступал перед ним как "строгий друг поэзии". Увы, это мнение было неутешительным для певца. Пушкин его не понял.

Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Влажен, кию знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов,
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел...

Иначе говоря, Пушкин не считал новые стихи Жуковского принадлежащими к миру прекрасного в поэзии. Это была строгая критика, вообще характерная для молодости, особенно когда она чувствует себя выразительницей мнений "священной истины друзей".

Анненков, первый биограф Пушкина, отмечает, что Жуковский отнесся к пародии автора "Руслана и Людмилы" на его элегию "Тленность" добродушно. "Жуковский от души смеялся, — пишет Анненков, — над пародией молодого человека, но предрекал ему время, когда он переменит мнение свое о белом стихе".

Видимо, смех Жуковского смутил Пушкина, который к тому времени был во власти четырехстопного ямба, заставил его взглянуть иначе на музыку стиха и ее возможности, задуматься о будущем. И вслед за посланием к Жуковскому "Когда к мечтательному миру..." он сочиняет надпись к его портрету:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль.

Эта надпись имеет какую-то внутреннюю связь с элегией "Тленность". Недаром в ней упоминается "завистливая даль веков": "А поглядишь: лет тысяча прошло..." Для Пушкина не понадобилось слишком большого промежутка времени, чтобы оценить по достоинству белый стих — новое открытие учителя в мелодике русского стиха.

И внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль,
И резвая задумается младость,

— а это и есть сущность баллады "Тленность".

Еще задолго до того, как Пушкин напишет: "Четырехстопный ямб мне надоел", он уже искал новых созвучий и обращался к ранее отвергнутому им белому стиху.

Недаром сказано: чему посмеешься, тому и послужишь...

В 1829—1830 годах Пушкин написал трагедию "Русалка", где послышался шум ручья, падающего на мельничное колесо: "Ты слышишь: без умолку шумит вода. Ты видишь: на небесах сияют звезды" — вот музыкальная тема Жуковского, которая становится мелодической основой пушкинской Русалки :

Князь:

Знакомые, печальные места!
Я узнаю окрестные предметы —
Вот мельница! Она уж развалилась;
Веселый шум ее колес умолкнул;
Стал жернов — видно, умер и старик.

Князь у Пушкина, как Жуковский в "Тленности", поражен тенью забвения, надвигающейся с временем на "знакомые предметы":

Тропинка тут вилась — она заглохла.
Давно-давно сюда никто не ходит —
Тут садик был с забором, неужели

Разросся он кудрявой этой рощей?
Ах, вот и дуб заветный...

Тень заветного дуба, может быть, того самого, на ветвях которого была некогда оставлена "арфа певца", осенила трагедию Пушкина. Ее новая. гармония вошла в историю русской музыки с партитурой Даргомыжского.

И никто уже, даже сам Пушкин, которого в юности "ранила" мысль о "Тленности" Жуковского, не мог бы уже сказать, что белый стих — это "проза, да и дурная..." Нет, это была еще непривычная форма современной поэзии, открытая Жуковским и канонизированная Пушкиным.

Но "Русалка" — произведение драматургическое, где белый стих кажется естественным в диалогах. Что же касается Пушкина, то он чувствовал его огромные лирические возможности. В 1835 году, осенью, в сентябре, Пушкин написал в Михайловском свою элегию "Вновь я посетил..." белыми стихами.

И это одно из последних стихотворений Пушкина связано с воспоминаниями о старинной элегии Жуковского, где было сказано: "И много, много лет спустя, быть может, Здесь остановится прохожий..." В своих прощальных стихах Пушкин упоминает о внуке и границах дедовских владений, что тоже было напоминанием о судьбе "замка Ретлера".

Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я...

Только элегия Пушкина "Вновь я посетил..." наполнена в отличие от баллады Жуковского "Тленность" размышлением о бессмертии и вечном обновлении природы. Обращаясь к Михайловским соснам, Пушкин говорит:

Пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда
С приятельской беседы возвращаясь.
Веселых и приятных мыслей поля,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет...

По отношению к истории русской поэзии Жуковский зачастую выступал в роли "начинателя" там, где "завершителем" являлся Пушкин. "И дуб шевелится, и струны звучат..."

Можно указать и на другие примеры мощных отзвуков стиха Жуковского и в поэзии Пушкина, а также в творчестве Лермонтова, Тютчева, Некрасова. Но это уже другая, самостоятельная тема. А здесь мы хотели коснуться лишь некоторых подробностей такой, казалось бы, простой и самоочевидной темы, как отношения "победителя-ученика" к "побежденному учителю" и к его "эоловой арфе».

Золотая арфа

Автор: Administrator
16.02.2013 13:50 -

Эдуард БАБАЕВ